

Макс НЕВОЛОШИН

АМЕРИКАНСКАЯ КОМЕДИЯ

Р а с с к а з

В начале девяностых мой товарищ Антон Ивашов работал вожатым в элитном пионерском лагере «Орленок». Пионеров тогда уже отменили, но лагерь функционировал как обычно, не простаивал даже зимой, и Антоша был там на хорошем счету. Многие звали его Антошей: взрослые — приватно, дети — за глаза. «Антон» к лицу мужчине крупному, солидно-му, тем более с добавкой «Николаевич». А друг мой — повзрослевший Чебурашка или юный Винни-Пух: невысокий, толстенький, весь какой-то плюшевый. И характер спокойный на первый взгляд.

Дважды ему поручали сопровождать детишек в заграничные поездки. Страны были так себе: Индия, Болгария. Затем судьба улыбнулась Антоше, как фотомодель на рекламе дантиста. Ему предложили лететь по обмену вожатыми в американский лагерь бойскаутов. Естественно, он согласился — кто б упустил такой шанс? Провожая его в Шереметьеве, я чуть не плакал от зависти.

На месте работы Антошу ждал неприятный сюрприз: бойскауты оказались черными из трудных семей. Разговаривали с ним через губу, прикалывались над его акцентом, обзывали всяко, но как — неясно. Антоша окончил английскую школу, и язык там учили совсем другой. Короче, «мама, забери меня отсюда». Вдобавок расслабиться было нельзя: алкоголь, курение, флирт запрещались в лагере на уровне мысли. Доносительство — наоборот. Раз глубокой ночью Антоша покурив в укромном месте. Утром его кто-то заложил, и пришлось объясняться с директором. Стучали в лагере тотально, с огоньком, под лозунгом «Мы все одна семья». Впоследствии, рассказывая мне об этом, интеллигентный Антоша выразился так: «Одна сучья семья».

Незадолго до окончания ада у него сорвало тормоза. Напомнил дежурному вымыть полы, а тот борзанул: «Отвали, факинг рашен». Швабра в руке оказалась некстати, размахнулась будто сама. Р-раз! Еще! Как бил? Как остановился? Только зайцы черные прыгали в глазах. Час спустя Антошу уволили с одновременным звонком в российское консульство.

Там сухо обещали разобраться, велели явиться за билетом домой. Заплатили ему пятьсот сорок баксов. До рейса в Москву оставалось шесть дней.

Антоша сел в автобус и за полдень прибыл в Нью-Йорк. В первом же баре закинулся дабл «Смирновым» без льда, потеплел, размяк — воздержание сказалося. Затем бесцельно шатался по сити — «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой». Мысли были грустные — например, о том, что загранпоездкам, да и вожатской карьере пришел трындец (здесь мой друг ошибался). Ехать в консульство не хотелось: выпивши — раз, обломно — два и три. Подождут грызуны канцелярские. Он приметил новый бар, усугубил, воспарил. И наконец родился план.

План этот был как минимум странным. Дойти к вечеру до Таймс-сквер и арендовать там барышню почище, желательно с квартирой. Где желательно остаться ночевать. Ну и... совместить необходимое с приятным. А утром двигаться к чинушам на поклон. До того он не общался с проститутками, но знал, что есть в Нью-Йорке такое место, где... это происходит. Возник кураж, соблазн полета в моральную бездну. Он верил, что сегодня все получится.

Завязка вышла идеальной. На «перекрестке мира» у стрип-клуба договорились с одной рыжей — веселая, сама подошла. Стольник за ночь у нее, просила двести, но Антоша включил шарм. «Могу ведь! — изумлялся он себе. — Вот так надо: быстро, смело!» По дороге сюда Антоша еще пару раз накатил для отваги и чувствовал себя крутым самцом. Трясла немного мысль, что он впервые купил женщину. Сейчас будут исполнены все его капризы... Но тут начались косяки. Пока ловил такси, веселая исчезла. И возникли двое черных, прилепились — шибануло кислотой немытых тел. Антоша с натугой примерил улыбку. Полез в карман за мелочью. Миг спустя заметил нож, услышал слово «кошелек».

Взяли только деньги, паспорт на месте, главное — сам невредим. Шок, отчаяние, ужас достигли мозга не сразу. Он в Америке — без денег, знакомых, ночлега, еды... Такой самосвал дерьма не может быть реальным. Антоша дважды потрогал себя в области кошелька, еще хранившей фантомную тяжесть, тепло. Немедленно в полицию? Может, найдут, вернут... Нет, сперва протрезветь. Антоша долго бродил по центру, выбирая улицы посветлее. Репетировал, что скажет копам. Как будет завтра, уже сегодня, объясняться в российском консульстве. Там — свои, они помогут, обязательно помогут... Сел на лавку, задремал. Разбудили его два полисмена, клоны вчерашних гопников, только в форме. Светало, было трезво и холодно. Вялое солнце искало прорехи в дебрях каменной тайги.

— Эй, друг, поднимайся, здесь спать нельзя.

— Простите, господа, — вежливо начал Антоша, — вы-то мне и нужны. Понимаете, меня вчера ограбили на Таймс-сквер два... эм-м... афроамериканца, взяли кошелек...

— Неужели? — перебил коп. — Выпивал недавно? Или на веществах сидишь?

— Едут из долбаной Польши, будто нам своего говна мало, — добавил его напарник. — Ты по-английски понимаешь? Исчезни отсюда, а то заберем.

Антоша опять сорвался. Как-то навалилось все: стресс, усталость, похмелье, негры...

— Забирайте, — сказал он твердо. — Арестуйте меня, вот руки, нате!

В полицейском участке его наконец-то выслушали. Но больше интересовались не ограблением, а работой почему-то. Тут же позвонили в лагерь.

— Интересная новость, — подмигнул один коп другому, — этот кусок дерьма еще и педофил.

— Ну?!

— Ага. Ребенка насиловал шваброй. Может, бросим его в обезьянник на пару часов да шепнем ребятам, чтоб... сменили ему ориентацию.

— Не надо в обезьянник! — взмолился Антоша. — У меня в российском консульстве аудиенция. Они про меня знают, будут искать.

— Ишь ты, аудиенция... Ладно, маньяк, свободен.

Напомнить про бумажник мой друг не решился.

Вышел из участка, закурил. Тело чесалось и ныло. Шорт-лист желаний выстроился так: душ (нереально), смена белья, чистка зубов, еда. Сумку он вчера оставил в камере хранения. При себе имел карту Нью-Йорка, паспорт, часы, зажигалку, восемь сигарет. Потопал на автовокзал. Камера хранения была обычная, не автоматическая. На выдаче — лоснящиеся парни цвета баклажана. Антоша мысленно зажмурился. Протянул квитанцию.

— Шесть баксов, — сказали ему.

— Но я заплатил вчера, — возразил мой друг, — еще суток не прошло.

— Ты в школе учился, приятель? Сутки кончаются в полночь. Вчера шесть баксов, сегодня еще шесть. Оставишь до завтра — будет двенадцать. Ясно?

— У меня нет денег, — промямлил Антоша. — Может, часы возьмете? Мне только пару вещей достать...

Приемщики отвернулись и сделали музыку громче.

— Где ваш начальник?! — крикнул бедняга им в спины.

— Я начальник, — был ответ, — а это — мой зам.

В туалете Антоша умылся, напился воды из крана. Передел наизнанку трусы и отправился в консульство. Кварталов сорок шагал по жаре, искупался в поту. Ноги стали чужими протезами. Зашел — как «совка» полной грудью вдохнул: казематные стены, унылая очередь. Клерки с большими понтами. Заготовленную речь произнести не удалось. Юноша в окошке сунул ему авиабилет.

— ...остальное — ваши проблемы. Мы их вам не создавали.

— Нельзя ли матпомощь? — взмолился мой друг. — В размере шести долларов?

— Чего?

— Долларов... шести. Пожалуйста. Сумку из камеры хранения забрать.

Клерк протянул что-то вроде монеты.

— Держи вот... жетон на метро.

Следующие пять дней в Нью-Йорке Антоша хотел бы забыть. Говорил о них с лаконизмом спартанца. Да, бомжевал, побирался, шакалил объедки в Макдональдсе. На автовокзале пытался выклянчить сумку. Кто-то направил его в Армию спасения. Там Антошу напоили ядовитым кофе, сообщили, в каких магазинах раздают просроченную еду: умеренно вздутые йогурты, бананы с гнильцой, черствый хлеб. Указали на карте места, где бездомных кормят горячим. Поселили на трое суток в общежитии для беженцев. Рядом жили дикие люди из Сомали. Они мазали руки по локоть красным, ходили мимо унитаза, общались звуками саванны, развели на полу костер... Мой друг зарос щетиной и неприлично пахнул. На борту «Аэрофлота» соседи громко возмущались, пока их не отсадили. Антоша давно был за гранью стыда: несколько раз с удовольствием выпил, поел и заснул на трех креслах один.

Из Шереметьева Антоша зайцем поехал ко мне — в общежитие на проспекте Вернадского. В мечтах он уже обнимался со мной, рассказывал о своих мытарствах, занимал денег. Но прежде всего — душ. И переодеться в чистое и новое. Тут нужна ремарка. Еще до Америки он закупил в столице подарков — джинсы, футболки брату, спортивный костюм отцу. Маме — гжельский кофейный сервиз. Все это хранилось в чемодане под моей кроватью. Антоша уже прикидывал, что бы оттуда надеть. Только меня в Москве не было, уехал по срочным делам. Я не забыл об Антоше, просто явился тот слишком рано. Предполагалось, что он задержится в Штатах на две смены минимум, лучше на три и так далее. Где есть желание, там варианты.

В общежитии, в комнате, куда Антоша стремился, летел душой, находились тем временем мой сосед Слава и его девушка Люда, аспирантка худграфа, живописец-миниатюрист, известная тем, что рисовала друзьям проездные на метро. Слава, в юности боец ОМОНа, затем торговец картинками на Арбате, обитал в аспирантском общежитии противозаконно и небезвозмездно. Расспросы о научных изысканиях подавлял бетонным взглядом. Когда ночью по его щеке проползал таракан, сосед, не открывая глаз, ловил его и бросал в мою сторону. Такой у него был юмор. Явившись с торговой вахты, Слава, охая, сдирал кроссовки и развешивал токсичные носки на батарее. А затем, принявшись, говорил: «Слышь, Макс, ты опять курил в форточку? Я тебя побью когда-нибудь, дышать же нечем, блин!» Спорить мне не хотелось. Габаритами сосед напоминал холодильный шкаф.

Итак, романтический ужин: шансон, амаретто, беседа на тему денег. И раздаётся стук в дверь. Далее — в пересказе Славы, язык облагорожен.

«Открываю — стоит бомж. Зачуханный, мятый, воняет помойкой. И спрашивает тебя. Уехал, говорю, ты сам-то кто? “Я его друг”. Тут я подумал: Макс, конечно, не ангел, более чем, но такие друзья — перебор. А этот шныряет глазами по комнате. Здесь мой чемодан, типа, вон, под кроватью. Нельзя ли забрать? Прикинь, забрать, ни хрена себе, да? А поспать тебе здесь неохота или денег займы? Хорошо бы, отвечает, только ведь не дашь? Ясен перец, не дам. Он: давай так — ломаем замки у чемодана, и я тебе не глядя скажу, что внутри. Прямо сейчас, говорю, разбежался, чужую вещь ломать. Да моя она, кричит, моя это вещь! “И где же твои ключи, хозяин?” Он посмотрел как-то странно: вот не поверишь, в Нью-Йорке ключи. В камере хранения, чтоб ей сгореть... там баксов тридцать уже набежало. Короче, говорю, чувак, иди с богом, не зли меня. Макс приедет — разбирайся с ним. Он вздохнул и пошел».

Стоило ли ждать поезда на Туапсе? Броситься можно под любой. Всюду облом, тотальный мрак, но ведь это должно когда-то закончиться. Должна начаться светлая полоса. Каждый пустой стул увеличивает шансы на удачу. Ага, спросите Остапа Бендера... Так размышлял мой друг, обходя вагон за вагоном, стараясь разжалобить проводников. Миновал ресторан и услышал: «Антон Николаевич! Вы?» Обернулся — тетка в униформе, знакомое лицо. Повариха из «Орленка». Аня? Алла? Какая разница... Последний стул оказался с начинкой.

Через пару суток он был дома. Через неделю вышел на работу. «Орленок» встречал его как героя: там уже знали, что детки в Америке были «особенные».

Вскоре Антошу повысили в должности, отправили на конференцию в Москву. Наконец-то мы встретились.

Несколько дней мы отмечали, что положено, несколько раз слушали американский нон-фикшен. Антон подружился с Людой и Славой. Полюбил взаимно двух Ларис с шестнадцатого этажа. В паузах между застольями таскал меня по столичным храмам. Зажигал свечи, шептал что-то, даже разок всплакнул. Я видел, что мой друг еще не исцелился от недавнего кошмара. Чемодан мы открывать не стали, Антон его просто увез. Расставаясь, он подарил мне карту Нью-Йорка, ту самую. Я проклеил ее скотчем по сгибам, закрепил над столом вроде постера. Иногда ловил себя на долгом, гипнотическом общении с ней. Так, вероятно, Билли Бонс смотрел на карту острова сокровищ. Затем подарок куда-то исчез. Потерялся вскоре и сам Антоша, пропал незаметно и тихо в числе иных доказательств реальности того сумасшедшего времени. Оно флиртвало слишком навязчиво, обещало нам слишком много, чтобы исполнить хотя бы часть. Чтобы оставить улики, свидетелей. Мы все им, по сути, удалены, одни — от прежней жизни, другие — из жизни вообще.

Антон, если ты прочтешь это, не обижайся. И выйди на связь. Надеюсь, у тебя все хорошо.